

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Рассматриваются используемые носителями русского языка синонимические возможности сложноподчиненных предложений в разных стилях речи. Предлагается методика анализа синтаксической синонимии сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, которая рассматривается с точки зрения учения П.В. Чеснокова о соотношении логических и семантических форм мышления.

Ключевые слова: синтаксическая синонимия; функциональные стили; носитель русского языка; синтаксис; стилистика; сфера общения; семантические формы мышления.

Умение свободно переходить от одного функционального стиля к другому с учетом их отличительных синтаксических конструкций стало коммуникативной необходимостью любого ведущего социально активный образ жизни человека. Одна и та же ситуация в юридическом документе, научной работе и в устном рассказе, безусловно, должна быть представлена в различном языковом оформлении, в том числе синтаксическом.

Однако умения и навыки переключаться с одного функционального стиля на другой формируются постепенно, в процессе обучения синтаксической синонимии сначала в школе, потом в вузе.

Как известно, в науке долгое время считалось, что синонимию следует рассматривать только на уровне лексики, однако в начале XX в. А.М. Пешковский высказал мнение о существовании синонимии в грамматике и отметил, что она представлена как в морфологии, так и в синтаксисе (например, на уровне словосочетаний *ехать по полю – ехать по полю* и др.). Он полагал, что «стилистические возможности в синтаксисе гораздо многообразнее и значительнее, чем в морфологии» [1. С. 158].

В настоящее время вопрос о грамматических синонимах решается в науке неоднозначно: существует точка зрения, согласно которой правильнее говорить не о грамматических, в частности синтаксических, синонимах, а о синтаксических параллелях, параллельных синтаксических конструкциях.

Синтаксическая синонимия – свидетельство богатства синтаксических возможностей русского языка, которые могут быть использованы для выражения любых оттенков в передаче того или иного содержания в разных стилях книжной и разговорной речи. «Исключительное значение синтаксиса для стилистики определяется тем, что... предложения в русском языке отличаются необычайным разнообразием построения. Русский язык располагает огромным запасом синтаксических синонимов, то есть параллельных оборотов речи, которые различаются только тонкими оттенками в значениях и поэтому во многих случаях могут быть взаимозаменяемыми» [2. С. 9].

Для выяснения функций лексических синонимов, как отмечает А.П. Евгеньева, следует исходить из того, что «синонимы – слова, близкие или тождественные по значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга оттенками значения (близкие), либо стилистической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками» [3. С. 22–23].

Как известно, тождественных по значению синонимов в русском языке очень мало (*лингвистика – языко-*

знание, бегемот – гиппопотам и др.). В основном слова синонимического ряда отличаются и оттенками значения, и стилистической окраской.

На наш взгляд, аналогично следует рассматривать и грамматическую синонимию. В синтаксисе мы наблюдаем разнообразие синонимических конструкций, близких по значению, но имеющих свои семантические оттенки и различную экспрессию. Некоторые смысловые отношения могут выражаться как сложносочиненными (ССП), так и сложноподчиненными (СПП) предложениями. Так возникают синтаксические синонимы, различающиеся стилистическими оттенками или сферой употребления.

Потребность в синонимии и ее возможность заложены в самой природе синтаксиса: «В речи получает выражение все содержание жизни человека, все представления об окружающем мире, о предметах, категориях и связях действительности, наблюдаемых и осмысляемых, обобщенных и расчлененных так или иначе национальным языковым сознанием... Все это многообразие речевых потребностей и проявлений реализуется через синтаксис, с помощью синтаксических ресурсов языка... Синтаксис – эта та ступень грамматического строя языка, на которой формируется связанная речь. Соответственно синтаксис как наука изучает средства и способы построения связанной речи и прежде всех его коммуникативных единиц – предложений» [4. С. 83].

Преподавание синтаксиса, как и других разделов школьного курса русского языка, строится на основе анализа и синтеза. Эти способы умственной деятельности определяют основные пути изучения того, как носители русского языка используют синонимичные предложения для выражения оттенков одной и той же мысли.

В связи с этим важным являются исследования П.В. Чеснокова, посвященные проблеме взаимосвязи языка и мышления. Они показали, что на логические формы мышления, имеющие общечеловеческий характер, наслаиваются частные мыслительные формы, получившие название «семантические формы». Эти формы мышления, связанные со спецификой грамматического строя каждого конкретного языка, «могут совпадать в разных языках и различаться на разных этапах исторического развития одного языка, а также в разных случаях использования средств одного языка на одном историческом срезе» [5. С. 20]. Следовательно, семантические формы многообразны, поэтому невозможно описать каждую из них в отдельности, но их можно охарактеризовать при помощи свойственных им параметров, общих для всех языков. Различия между кон-

кретными семантическими формами состоят «в конкретных характеристиках форм в рамках каждого параметра» [5. С. 24]. П.В. Чесноков выделяет 14 параметров, универсальных категорий, в рамках которых характеризуется конкретная семантическая форма того или иного языка.

В своей работе синтаксическую синонимию мы рассматриваем как «процесс и результат отражения одного и того же мыслительного содержания с помощью разных семантических (национальных) форм мышления» [5. С. 148]. Иными словами, различие семантических форм обусловлено не различиями в объективной действительности, а спецификой процесса отражения фактов объективной действительности [6. С. 117]. Две или несколько моделей, организованных одноименными компонентами с различиями в оформлении, могут выражать одно и то же типовое значение, поэтому, без сомнения, такие синтаксические конструкции могут быть признаны синонимичными в лексинтаксическом, или ситуационном, аспекте. Например: *Поскольку он разволновался, задача никак не решалась. / Он разволновался, и задача никак не решалась.* В СПП факт волнения субъекта не является самым существенным, он важен не сам по себе, а как причина другого факта – задача не решалась. Отношения между частями логически четко определены. В ССП же внимание обращается на состояние субъекта и задача уже перестает быть объектом действия субъекта и становится независимой от него (задача не решалась как бы сама по себе); между частями предложения соединительные отношения; значения причины и следствия не подчеркиваются, они вытекают из общего содержания предложения. Некоторую роль при этом играет порядок следования частей, так как при их перестановке волнение решавшего окажется не причиной, а следствием того, что задача не решалась.

Как показывают исследования, процесс усвоения, становления языка у человека является предметом психологии, а не лингвистики как таковой. Психологи считают, что «язык вводится в мозг путем систематических речевых воздействий» [7. С. 8]. При этом системность содержится уже в самом языке, на котором говорят с ребенком. Однако таким способом можно добиться лишь самой первой элементарной ступени владения языком. Важнейшей особенностью усвоения предмета в школьном возрасте является осмысливание, т.е. понимание того, что человек воспринимает, воспроизводит, применяет. Осмысливание, осознание явлений языка связано с усвоением научных понятий и правил, которое в свою очередь достигается в процессе применения понятий.

Разные единицы языка, в том числе и синтаксиса, соотносятся с разными формами мышления: «...содержание понятий выражается посредством слов или словосочетаний, содержание суждения – посредством предложения» [8. С. 45]. Модели синтаксических конструкций закрепляются в языковой памяти человека и воспроизводятся в «готовом виде». Конкретные же словосочетания и предложения порождаются в процессе речи. Синтаксические модели, воспроизводимые в речи, являются результатом абстрагирования от конкретных речевых произведений.

Сравним, например, ряд конкретных высказываний: *В лесу холодно; В доме уютно; В классе шумно.* Все они имеют одинаковую структуру (обстоятельство места, выраженное предложно-падежным сочетанием, + главный член, выраженный предикативным наречием) и одно и то же грамматическое значение (сообщение о состоянии, одинаково соотношенное с действительностью в модально-временном плане, с указанием места проявления этого состояния). Структура и грамматическое значение в их единстве и входят в понятие синтаксической модели, хранящейся в языковой памяти человека, если он владеет данным языком, и воспроизводимой в речи, если этого требует данная речевая ситуация. По указанной выше модели может быть построено множество конкретных предложений-высказываний. Выбор из «кладовой» языка нужных моделей и их лексическое наполнение каждый раз определяются содержанием высказывания и речевой ситуацией в целом.

Следовательно, рассмотренный ряд конструкций объединен тем, что в них выражаются хотя и разные, но соотносительные синтаксические отношения (отношения между признаком и предметом), определяющие соотносительные грамматические значения данных конструкций и предоставляющие возможность выбора такого их типа, который наиболее подходит для решения конкретной речевой задачи.

При рассмотрении соотносительности синтаксических построений необходимо иметь в виду, что в синтаксисе, как и на других уровнях языка, существуют явления многозначности, переходности, совмещения разных значений, благодаря чему одна и та же конструкция может входить в разные синтаксические ряды.

Непрерывным условием успешной работы над соотносительностью синтаксических конструкций является внимание не только к тому, что объединяет их в один синтаксический ряд, но и к различительным особенностям каждого члена этого ряда. Осмысление как общего, так и различного в соотносительных конструкциях делает возможным осознанный выбор из синтаксического ряда того средства, которое наиболее соответствует данной речевой ситуации (содержанию и условиям речи), что является отправным моментом для формирования навыков точного, коммуникативно оправданного использования синтаксических средств языка в речевой практике. Уместность использования той или иной конструкции, обоснованность выбора одного из возможных средств выражения нужного значения может быть оценена лишь исходя из задачи, содержания, формы и условий высказывания.

Вероятность употребления различных средств языка, в том числе и синтаксических, в разных сферах речевой деятельности неодинакова. Говоря о синтаксических средствах функциональных стилей, следует иметь в виду частоту употребления тех или иных синтаксических единиц в разных стилях (а также, конечно, и конструкций, стилистически окрашенных). Синтаксические конструкции и иные синтаксические средства чрезвычайно многообразны, они заключают в себе богатые стилистические возможности. Эти возможности черпаются, в частности, из довольно развитой синонимии синтаксических явлений. Правда, эта синонимия нередко имеет идеографический, смысловой характер, что

ограничивает возможности выбора конструкции в каждом отдельном случае [9. С. 133–161].

В данной статье мы подробно рассматриваем анализ синтаксических синонимов с точки зрения учения П.В. Чеснокова о соотношении логических и семантических форм мышления, так как при всех или почти при всех трансформациях меняется не только формальная, но и смысловая сторона конструкции. Обоснуем значимость сказанного на примере возможности трансформации СПП приместоименного типа в ССП, а также попытаемся определить характер отношений между исходной единицей и ее возможной трансформой, их сходство и различие.

СПП с приместоименной придаточной частью относится к СПП с нерасчлененной структурой, поэтому можно утверждать, что попытка преобразования его в ССП натолкнется на объективные трудности. Во-первых, СПП приместоименного типа имеет и когнитивные особенности, ограничивающие возможности его трансформации в ССП: главная часть СПП высказывается относительно придаточной части, а в ССП принципиально исключено такое положение, чтобы об одной ситуации утверждала другая ситуация. Во-вторых, попытка трансформировать СПП построения в ССП сопровождается значительным изменением их грамматического значения. Обстоятельственные отношения степени, четко сигнализируемые подчинительными средствами связи в СПП, станут в ССП отношениями следствия, выводимыми из лексико-грамматического анализа вербального состава предикативных частей: 1. *Экипажей так много, что приходится толпиться (А.П. Чехов. На волчьей схватке); Экипажей много, и приходится толпиться.* 2. *Ей так понравился сад, что она не расстанется с ним (А.П. Чехов. Безотцовщина); Ей понравился сад, и она не расстанется с ним.*

В-третьих, четко выраженные отношения гипотаксиса в нерасчлененных СПП с приместоименными придаточными способствуют их преобразованию в простые предложения, семантически более близкие к исходным: 1. *Кто не умеет хорошо поест, тот урод... Нравственный урод! (А.П. Чехов. Безотцовщина); Неумеющий хорошо поест – нравственный урод!* 2. *Кто считает меня красавицей, тот не имеет вкуса (А.П. Чехов. Безотцовщина); Считающий меня красавицей не имеет вкуса.*

Эти трансформы наследуют общее типовое значение исходных построений с точки зрения характера субъектов и модально-временного значения предикативного отношения, сохраняя при этом неопределенно-условный оттенок в отношениях между членами предикативного отношения, такой же, как и в СПП с подлежащей в логико-грамматическом аспекте придаточной частью.

Сопоставление исходных синтаксических единиц и их трансформ в аспекте выражаемых ими семантических форм мышления выявило их расхождение в одном из основных параметров – *характере охвата содержания компонентами мысли*. Как показал лексико-грамматический анализ, ССП в сравнении с СПП неспособны полностью охватить то содержание, которое актуализируется в гипотактическом построении. Разница семантического объема сравниваемых единиц касается двух существенных моментов: во-первых, трансформы, выражая недифференцированное семантическое отношение, имеют принципиально иной характер грамматического значения; во-вторых, между сравниваемыми построениями очевидно несовпадение субъектного состава.

Говоря же о возможности синонимии рассмотренных СПП с простыми предложениями, можно утверждать, что они входят в одни и те же синтаксические парадигмы по характеру выражаемого ими грамматического значения. Семантическая идентичность трансформы исходному СПП проявляется в разной степени, что обусловлено различной способностью придаточной части иметь субституты в виде предложноподлежащих форм со значением обстоятельства степени, то есть возможностью того или иного обстоятельства степени выражать соответствующий признак не только в расчлененном, но и в нерасчлененном виде. Можно предположить, что основной мотив выбора между СПП с приместоименной придаточной частью и его возможной трансформой в виде простого предложения диктуется прагматическими задачами, связанными с намерением говорящего лица выразить ту или иную степень полноты содержания характеризующего компонента.

Итак, в ходе исследования нами было установлено, что трансформация синтаксических единиц помогает раскрыть их стилистическое использование и синонимику. Используя синтаксические синонимы, учитель должен учитывать, что их характеризуют следующие признаки: общее, типовое значение; вариативность строевых элементов; различные смысловые оттенки общего значения; различные стилистические оттенки; взаимозаменяемость.

Таким образом, функционально-стилистический подход позволяет учащимся определить, как лучше использовать возможности языка. Овладевая функциональными стилями, учащиеся усваивают их языковую специфику, в частности грамматические особенности, в результате чего формируется навык целесообразного отбора форм и конструкций в соответствии с задачами высказывания и сферой общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. М. : Госиздат, 1930. С. 133–161.
2. Томашевский Б.В. Стилистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. 288 с.
3. Евгеньева А.П. Словарь синонимов : справ. пособие. Л. : Наука, 1975. 648 с.
4. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 368 с.
5. Чесноков П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог, 1992. 167 с.
6. Чесноков П.В. Семантические формы мышления и их параметры // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 117–123.
7. Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи // В защиту живого слова / под ред. В.Я. Коровина. М. : Просвещение, 1966. 262 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 616 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз, 1956. 511 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 сентября 2011 г.